

**ДИЛЕММЫ ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ:
ОПЫТ ПОЛЬШИ И США**

И66 **Иновационный потенциал публичной социологии в региональном социальном программировании:** материалы и доклады Междунар. научно-практ. конф. (Самара, 6–7 ноября 2013 г.) / редкол.: Н.П. Щукина (отв. ред.) [и др.]. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – 176 с.

Говоря о «публичной социологии», в данном тексте я буду обращаться к определению этого понятия, предложенному М. Буравым (Burawoy 2005a). Подчеркнем, что М.Буравой предлагает отделить публичную социологию от трех других типов социологии: профессиональной, практической/служебной (policy) и критической. В его представлении профессиональная и практическая социология должны заниматься описанием общества без специальной рефлексии над механизмами созданного ими самими знания, они должны обеспечивать инструментальным знанием, служащим для решения конкретных, прагматических проблем. В свою очередь, публичная и критическая социология в этой системе являются рефлексивными видами социологии, изучающими неочевидные принципы, основанные на доказательном знании об обществе, а также невидимые механизмы функционирования самих обществ.

С другой стороны, публичную и практическую социологию объединяет то, что результаты их работы направлены далеко за узкие границы академического мира и, тем более, мира общественных наук. Они должны служить адресатам не из науки – конкретным институтам как в случае практической социологии, либо, теоретически, всему обществу или его слабым группам, как в случае критической социологии. Точно так же критическая и профессиональная социология ориентированы прежде всего внутрь научного мира. Эти отрасли социологии не скрывают от него своих работ, но создают их на языке, предназначенном для профессионалов, и опираются на методы, понятия и литературу, известную главным образом в интеллектуальном мире. Они не идут на компромисс, который снизил бы содержательную ценность исследований в пользу доступности форм изложения или использования их в ненаучных целях.

Вместе с тем, М.Буравой известен целым рядом текстов, пропагандирующих идею публичной социологии (Burawoy 2005b, Burawoy 2008). В течение нескольких лет он также неустанно занимается популяризацией этого направления, чему служат его многочисленные поездки, лекции, интервью и комментарии. Как я буду неоднократно подчеркивать в этом тексте, необходимо обратить внимание на контекст, в котором этот выдающийся американский социолог обращается к глобальному обществу. Прежде всего, это контекст места общественных наук в его собственной стране. Основные его черты хорошо описал Л. Вакан (Wacquant 1996). Он обратил внимание на далеко зашедшую изоляцию общественных наук (за исключением ориентированных на непосредственное обслуживание важных групп интересов, таких как экономика или право) в контексте американского общества. Главной причиной этого известный французский исследователь и ученик П. Бурдьё, давно работающий в США, считал доминирование в этой стране экономического капитала над культурным в т. н. поле власти. Подчеркнем, что понятие поля власти было введено в литературу П.Бурдьё в

качестве развития категории «элиты» (Bourdieu , Wacquant 1993). Благодаря этому понятию возможно рассматривать область деятельности привилегированных в данном обществе игроков как дифференцированное поле субъектов с различной ориентацией и различными ресурсами. Хотя поле власти создает жесткое общественное, политическое и культурное разделение, а игроки с его противоположных полюсов могут состоять в остром конфликте друг с другом, оно само как целое, а не отдельные его элементы, может рассматриваться в качестве сферы, доминирующей в каждом обществе. В частности, в поле власти устанавливаются ключевые оси политического разделения, а также значение этих осей. Там же обсуждаются доминирующие в данном обществе основы легитимизации социального неравенства и логика общественных иерархий.

Таким образом, чертой американского поля власти является необычайно привилегированное положение экономического капитала и логики общественной иерархии, а также основные принципы ее легитимизации. Примером последнего является широкое общественное одобрение неограниченного финансирования предвыборных кампаний в США богатыми предпринимателями. Вакан упоминает также о слабости организованных левых политических движений и особенно об их фрагментарности. При этом он обвиняет американские академические круги в склонности к самоизоляции. Университетский мир США в значительной степени погружен в себя, занят внутренней борьбой за свои привилегии и принципы иерархизации. Вместе с этим, в этой стране не распространена традиция активных в социальной жизни интеллектуалов, характерная, прежде всего, для Франции. Более того, американские академические круги в ситуации доминирования экономических интересов обычно не входят с ним в конфликт, а в значительной мере принимают его правила и стараются принять как можно более профессиональное, технократическое оформление, стараясь представить себя в качестве полезного, прагматичного эксперта для мира бизнеса или для государства. Одновременно с этим, сильный профессиональный этос способствует ограничению общественных ролей ученых.

Однако это не означает, что в США не развивается вовлеченная в жизнь общества наука. Во многих научных центрах все еще имеются для этого достаточно благоприятные условия, главным образом благодаря состоятельности американских институтов и их сильному этосу академической автономии. Американские вузы, как известно, в большинстве своем являются частными заведениями. Однако даже те из них, которые имеют статус государственных учреждений, не подвергаются жесткой регуляции в той мере, которая имеет место в европейских государствах. У них отсутствуют навязываемые из центра программные рамки обучения, управляемая государственной властью система научных степеней и званий, а также сильная непосредственная зависимость вуза от централизованного государственного финансирования. Вузы пополняются, разумеется, и публичным капиталом, но в большинстве своем финансы выделяются из бюджета штатов или распределяются при содействии многочисленных агентств, ни одно из которых не в состоянии, в отличие от европейских министерств образования, сильно повлиять на принципы функционирования научного поля. Эти обстоятельства позволяют академическому полю в США сохранять значительную автономию. Она же в числе прочего дает возможность не только проводить исследования и публиковать работы выраженной критической направленности в отношении действующей власти, но и основательно задумываться над неочевидными механизмами функционирования общества, над механизмами доминирования как внутри самих США, так и в глобальном масштабе. Именно такая автономия общественных наук в США позволила развиваться в американских университетах многим замечательным школам критической социологии, к одной из которых принадлежит несколько раз упомянутый в этом тексте М. Буравой.

Однако этой автономии сопутствует относительная изоляция поля общественных наук от более широкого общественного мира. Социологи практически не присутствуют в американском публичном дискурсе в качестве субъектов-игроков, трудно обнаружить их присутствие в средствах массовой информации. Иногда их высказывания в качестве источника определенных данных используют журналисты или политики, но при этом сами они, как правило, не участвуют в политической жизни. Это порождает понятное ощущение фрустрации, связанное с отсутствием не только общественного воздействия, но и простой узнаваемости. Как обращал на это внимание сам М. Буравой, в США намного более узнаваемым является понятие «социальная работа» (socialwork), чем «социология», многие американцы просто не знают, кем является социолог. Эту ситуацию можно считать парадоксальной. С одной стороны, американская социология, и особенно та, которая развивается в лучших вузах страны, достигла значительного уровня интеллектуальной и методологической утонченности. Она также является практически самой влиятельной социологией на свете – престижные американские периодические издания по социологии преобладают в списках лучших мировых журналов. Социологи во всем мире значительно чаще цитируют именно американских авторов и стремятся к тому, чтобы публиковаться в издаваемых и рецензируемых ими периодических изданиях и книжных сериях. Эти лидеры американского общественного поля в своем собственном обществе остаются в общем неизвестными, а то влияние, которое они на него оказывают, является маргинальным и эпизодическим. Таким образом, вызов, который бросает М. Буравой публичной социологии, можно воспринимать как обусловленный этими обстоятельствами призыв к преодолению изоляции американской социологии в своем собственном обществе.

Тем не менее, сам М. Буравой, на мой взгляд, не до конца осознает контекстуальные условия своих чувств и стремлений. В особенности, он не принимает во внимание то, что существуют страны, в которых общественная роль социологов намного более значительна. Примером такой страны является Польша, на которой я хотел бы подробнее остановиться. Кроме того факта, что Польша, исторически связанная с Россией, сама по себе может быть интересна российскому читателю. Ее пример представляется настолько необычным, что хорошо показывает конфигурацию поля власти и роли в нем социологии, значительно отличающейся от той, которую играет социология в США. В частности, характерной чертой польского поля власти является доминирование полюса культурного капитала над полюсом экономического капитала. Ее можно связывать с ключевой в этой стране общественной ролью интеллигенции. Польская интеллигенция имеет сходный с российской генезис, однако траектория ее развития и современный статус очень своеобразны. Напомню, что в России доминирующим игроком в поле власти остаются государственные элиты, в большинстве своем происходящие из отдельных фракций прежней советской номенклатуры. Их статус опирается в первую очередь на контроль над т.н. «административными ресурсами», а именно ключевыми механизмами управления государственными институтами, посредством которых они могут воздействовать на большинство других сфер, в частности, на политическую, информационную, экономическую или культурную. В таком случае, интеллигенция, особенно научная ее часть, в поле власти остается относительно маргинализованной группой, которая вынуждена с трудом защищать свою автономию. Хорошим примером присущих ей проблем являются недавние попытки ограничения независимости Российской академии наук. Таким образом, я надеюсь, что представленная мною интерпретация примеров США и Польши будет в какой-то степени полезной точкой соотношения в дебатах моих российских коллег над возможными путями развития социологии в их стране и над ее публичной вовлеченностью.

В отличие от России, в Польше не сформировалась ни сильная экономическая элита, которая характерным образом доминирует в американском поле власти, ни сильная политико-административная элита, доминирующая в современном российском поле власти. Польская экономическая элита в сегодняшнем значении этого слова до 1917 г. была связана в значительной мере с экономической системой Российской Империи. Ее падение послужило причиной отчуждения самых больших имений у земель и лишения зарождающейся буржуазии ключевого капитала и рынков сбыта. В межвоенный период экономическая слабость т. н. Второй Речи Посполитой означала также и слабость польской экономической элиты. Окончательная ее гибель наступила во время Второй мировой войны и последовавшей за ней национализацией, которая проводилась властями коммунистической Польши. После падения коммунизма в 1989 г. воссоздать прежнюю экономическую элиту не удалось. До сегодняшнего дня не решен вопрос реприватизации. Но, что еще важнее, государственная задолженность и отсутствие отечественного капитала привело к тому, что ключевым игроком на экономическом поле Польши вскоре стал иностранный капитал. Не увенчались успехом и попытки членов давней коммунистической номенклатуры консолидировать национальный капитал и перевести прежнюю политическую власть в экономический капитал. В отличие от ситуации в России, прежняя коммунистическая номенклатура не удержала контроля над государственными институтами, а ее попытки создать крупные экономические институты, пользующиеся поддержкой государства, закончились поражением. В результате этого, до конца 90-х гг. XX в. западный капитал овладел ключевыми отраслями польской экономики (из политических соображений доступ российского капитала к польскому рынку после 1989 г. был ограничен). Относительно частая смена правящих партий в течение последних двадцати лет привела и к тому, что сейчас в Польше сложно говорить о стабильной, воспроизводящейся во многих поколениях политической элите.

В этом контексте наиболее стабильной среди т. н. устойчивых элит является интеллигентская элита, чье однозначное доминирование в польском поле власти берет начало как минимум в 1918 г. Представители интеллигенции входят в роль ученых и интеллектуалов, государственных служащих и политиков, художников и журналистов, предпринимателей и менеджеров, а также во многие другие. Однако эти роли не являются для интеллигенции основными характеристиками ее статуса, который связан прежде всего с тем, что на языке П. Бурдьё называется культурным капиталом. Речь идет о специфическом культурном капитале, который создается полем интеллигенции, объединенным также сильными связями социального капитала, опирающегося на близких дружеских, внутригрупповых, нередко семейных связях. В этом поле в большом количестве присутствуют семьи интеллигентов, ведущие свой род от шляхты и предков, пополнивших ряды интеллигенции во второй половине XIX в. Такая структура поля интеллигенции в значительной мере устойчива к политическим и экономическим встряскам, характерным для этой части Европы. Доминирование интеллигентской элиты, которая благодаря своей опоре на культурный и социальный капитал контролирует польское поле власти, ограждено от влияния резких перемен в экономической и политической сферах. Такая конфигурация поля власти обеспечивает польской интеллигентской элите необычайно привилегированную позицию. На языке П. Бурдьё ее можно назвать доминированием культурного капитала как над политическим, так и над экономическим капиталом. В настоящее время экономический капитал, будучи, разумеется, основным ресурсом, не представляет собой ключевого поля игры для польской элиты. Контролирующие большую его часть западные экономические элиты при этом не в состоянии непосредственно использовать своего экономического превосходства на других полях, потому что слишком резкие движения в этой области могли бы быть восприняты как вмешательство иностранного капитала в

«польские дела». Для легитимизации таких действий необходимо символическое посредничество интеллигенции, присутствие которой может придать им правомерность. Интеллигенция при этом может ссылаться на необходимость «модернизации» или на «национальные интересы», которые она сама в состоянии определять.

Давление доминирования извне, как в экономическом, так и в политическом и культурном аспекте приводит к тому, что захваченное интеллигенцией польское поле власти в настоящее время поделено на две основные части, определяемые реакцией на зависимость Польши от сильнейших субъектов западного мира. Такое разделение можно считать характерным для большинства периферийных стран. Можно его увидеть и в русском поле власти, где его истоки находятся в классическом конфликте между славянофилами и западниками. В случае России разделение поля на часть, ориентированную на сотрудничество с глобальными игроками, и часть, которая сопротивляется их давлению, протекает совершенно иным образом, чем в Польше. В России на «национальной/патриотической» стороне находится значительное большинство политического поля, в особенности его элиты, контролирующие «административные ресурсы». На этой же стороне находится и большая часть экономического поля. Причиной этого является зависимость экономического поля от политического и ограниченный доступ к нему иностранного капитала. «Глобальная», или «космополитическая» сторона самое большое влияние традиционно имеет в культурном поле, где часть интеллигенции, особенно в больших городах, придерживается прозападной и либеральной ориентации. В Польше и культурное, и политическое поля поделены примерно пополам на части, ориентированные «локально/патриотично» и «глобально/космополитически». В свою очередь, на экономическом поле, где польский капитал представляет меньшинство, явно преобладает «глобальная» сторона. Политическое представительство польского капитала, в основном мелкого и среднего, является слабым и плохо организованным.

Стоит обратить внимание, каким образом структуры полей власти отражаются на общественной вовлеченности социологов и представителей более широкой области общественных наук. Как упоминалось выше, в американском варианте, где можно наблюдать явное доминирование политического поля над культурным и ситуацию, близкую к гегемонии экономического поля, публичная вовлеченность социологов сильно затруднена. Прежде всего, их представители не узнаваемы в обществе, не являются привлекательными собеседниками в СМИ, не воспринимаются они и как люди значительные, влиятельные или достойные особого уважения, например, такого, каким зачастую пользуются интеллектуалы и выдающиеся интеллигенты в Европе. Однако американская система дает социологам определенные привилегии. Во-первых, хотя социология сама по себе не является важным элементом американского академического поля, оно само, а особенно его лидеры, т. е. сеть элитных американских вузов, играют существенную роль в американской общественно-экономической системе. Элитарные американские вузы выполняют ряд важных функций, в частности, они являются ключевым элементом системы воспроизведения американских элит, как экономических, так и политических – через них проходит большинство молодых представителей этих кругов, подтверждая таким образом свой общественный статус. Эти вузы являются и важным элементом системы глобального американского доминирования, обеспечивая культурную легитимизацию политическому и экономическому господству Америки. Среди других их функций можно назвать адаптацию элит из многих стран мира к американским ценностям, а также привлечение кадров и талантов в ключевые секторы американской экономики, которые в вузах часто имеют интеллектуальную и идеологическую базу. Все эти факторы

приводят к тому, что элитарные американские вузы относительно хорошо финансируются, имеют совершенную инфраструктуру, а также предоставляют своим профессорам необычайно комфортные в материальном отношении условия для жизни и работы. Американские социологи как бы при случае тоже черпают выгоду от этой системы, которая предоставляет в их распоряжение не только ресурсы, недоступные в большинстве других стран, но и также дает им возможность пользоваться престижем (символическим капиталом), связанным с марками их вузов. Как уже упоминалось выше, находясь одновременно на явно подчиненных позициях в поле власти и пользуясь значительной автономией, американские социологи естественным образом вынуждены внимательно и критически наблюдать за структурами доминирования в собственном обществе, а также следить за действиями США и связанных с ними стран и организаций в глобальном масштабе. Именно в таком контексте в американских вузах постоянно появляются замечательные по своей глубине работы, касающиеся как внутриамериканских общественных иерархий, так и глобального доминирования США. Наиболее известной такой работой является, вероятно, теория мировой системы И. Валлерстайна.

Ситуация в Польше, повторим это вновь, диаметрально противоположна ситуации в Америке. В число интеллигенции почти по определению входит большинство представителей мира науки (в том числе и социологии), в частности элитная часть академических и интеллектуальных кругов. Будучи доминирующей группой, интеллигенция при этом предоставляет значительную часть кадров для политического и экономического поля. В рядах высшей государственной власти, особенно после упадка коммунизма, представители интеллигенции часто находятся на привилегированных должностях. Отнюдь не редки случаи, когда профессора из области общественных наук (истории, социологии или права) занимают ключевые государственные посты, в частности, президента, премьер-министра или маршалов сейма и сената. Очень много людей, происходящих из кругов интеллигенции, занимает привилегированные должности на общественных и международных предприятиях. При этом СМИ в Польше в значительной мере являются относительно свободными институтами, а выгоды от них черпают пользующиеся в них большим влиянием представители интеллигенции. Стандартным примером такого института в Польше можно считать ежедневник «Газета Выборча» («GazetaWyborcza»), с чьим мнением вынуждено считаться любое правительство, а также экономические круги (Зарицкий 2008, Zarucki 2009). Как упоминалось выше, в настоящее время в Польше культурное поле, как и политическое, достаточно четко разделено на два главных лагеря, соответствующих двум типам реакции на глобальное давление, которое также можно обозначить понятием западного доминирования или эффектами европейской интеграции. С одной стороны, можно выделить либеральный полюс, с энтузиазмом ориентирующийся на Европу и поддерживающий большинство форм интеграции и адаптации к международным стандартам. С другой стороны утвердился консервативный полюс, скептически настроенный в отношении Европы, который хоть и не выступает против всех форм европейской интеграции, но явно сопротивляется ограничению политического суверенитета страны и, прежде всего, подвергает сомнению культурные эффекты глобального доминирования. Представители подобных взглядов требуют, главным образом, поддержки и охраны польских национальных традиций и католической церкви. Главными политическими представителями этих двух соперничающих лагерей в настоящее время являются партии «Гражданская платформа» (Platforma Obywatelska) и «Право и справедливость» (Prawo i Sprawiedliwość) соответственно. Прежняя структура польского поля власти, актуальная до конца 90-х гг., определялась отношением к советскому доминированию

и включала в себя анти-советский полюс сторонников «Солидарности» и промосковский посткоммунистический лагерь (Zarycki 2011).

Такая конфигурация поля власти, охватывающая доминирование культурного капитала и центральное положение интеллигентских элит, объединенное с сильным политическим разделением на проевропейскую и антиевропейскую группы, специфическим образом влияет на модели публичной вовлеченности польских социологов. Из-за того, что социологическое поле расположено близко к центру поля власти, оба эти поля привлекательны, как уже говорилось выше, и для политического, и для экономического полей, а также для поля информационного. Значительная часть польских социологов и представителей других общественных наук, в частности, общественной психологии, политологии и этики, принадлежит к числу знаменитостей, регулярно появляющихся как на страницах печатных изданий, так и в электронных СМИ. Более того, высказывания или статьи многих из них часто становятся важными событиями в мире новостей. Высказать свое к ним отношение часто просят ключевых политиков, представителей общественных институтов и предпринимателей. В этом смысле можно выдвинуть, на мой взгляд, тезис о том, что публичная социология в Польше развита относительно хорошо. Социологов, разумеется, не всех, а только тех из них, которые узнаваемы в обществе, внимательно слушают, они часто появляются в СМИ и имеют вполне определенное влияние на общественную и политическую жизнь в Польше. Благодаря этим механизмам путем комментариев в масс медиа часто удается вызвать широкий интерес к результатам конкретных научных исследований или к отдельным публикациям. На страницах газет нет недостатка в интеллектуальных дебатах, важными участниками которых являются социологи. Эта часто недооцениваемая в Польше позиция публичной социологии связана в нашей стране и с определенными проблемами. В качестве первой из них можно назвать сильную политизированность общественных дебатов, связанную с вышеупомянутым сильным расколом в поле власти. Это приводит в первую очередь к тому, что социологов приглашают на публичную сцену (в информационное или политическое поле), ожидая от них, что они впишутся в актуальную «идеологическую работу» в поле власти и предоставят научные аргументы в пользу той или другой стороны главного спора. В результате большинство медийных социологов не только появляется на публичной сцене в каком-то вполне предсказуемом контексте, но и в определенный период дает достаточно предсказуемые оценки. От них обычно ожидают нормативных диагнозов, простых рекомендаций и ясных заключений *de facto* политического или морального характера, а также подтверждения выдвигаемых политиками и журналистами тезисов. Те личности, которые не вписываются однозначно в одну из описанных выше групп, приглашаются в публичную сферу намного реже. У этого механизма есть и более далеко идущие последствия. Он приводит к тому, что подобное разделение с поля власти, четче всего выраженное в политическом поле, где оно вполне естественно, переносится с удвоенной силой также и на научное, в частности, социологическое поле. В результате способ мышления социологов об обществе начинает ощутимо определяться логикой двух главных полюсов поля власти. А именно, с одной стороны мы видим специфическую форму модернизационной парадигмы, которая позволяет просвещенной элите во главе с интеллигенцией (в том числе и с социологами) диагностировать «отставание» значительной части общества, в особенности его менее зажиточных и менее образованных, но более религиозных групп, которые с меньшим доверием относятся к международным институтам. Впоследствии элита выдвигает постулаты смены позиций и ментальности этих групп. С другой стороны доминируют критические оценки в отношении либеральных элит, которые обвиняются в недостатке традиционной моральности и патриотизма, в отсутствии верности национальным и религиозным ценностям интеллигенции. Можно

сказать, что представители обоих лагерей по-своему занимаются не только публичной, но и критической социологией. Но следует обратить внимание, что для большинства из них критицизм, в границах которого они действуют, сильно определяется обозначенными выше интерпретационными рамками. Это сильно ограничивает возможности развития польской критической социологии в строгом смысле этого слова, т. е. такой науки, которая концентрируется на поиске механизмов зависимости и доминирования, не называемых прямо в публичном дискурсе, но сильно натурализованных, скрытых в повсеместно разделяемых и редко политически оспариваемых представлениях о функционировании общества.

Говоря об отличиях между американской и польской моделью, необходимо вспомнить также о более слабой институциональной инфраструктуре польской социологии, а также актуальной и для России проблеме относительно низких зарплат. Для элиты социологического поля эта проблема издавна достаточно легко решается. Большинство ее представителей, пользуясь своей привилегированной ролью интеллигентных авторитетов, начинает работать в различных институтах и имеет разного рода непостоянный доход, получаемый за счет предоставления экспертных услуг как публичным, так и экономическим отечественным и международным субъектам. Этот механизм смягчает материальные проблемы и даже позволяет элите поля интеллигенции жить на уровне, сопоставимом с тем, на котором живут их обычные западные коллеги, но в то же время он усиливает зависимость социологического поля от других, более обеспеченных экономическим капиталом секторов поля власти. Обычно это не является непосредственной зависимостью – представителям элиты социологического поля, как правило, не платят за озвучивание конкретных мнений, отнюдь не все из них также являются обычными наемными экспертами, как, например, их коллеги, работающие во многочисленных консалтинговых фирмах. Однако они должны отдавать себе отчет в том, что явное и длительное разделение взглядов, противоречащих представлениям, доминирующим в тех институтах, где они работают, может лишить их важных источников дополнительных доходов.

Эти отличия между условиями занятия социологией в США и в Польше приводят к интересным парадоксам, особенно во время общения ученых из обеих стран. Необычайно показательным примером этого стали пленарные заседания всепольского Социологического съезда Польского социологического содружества (PTS) в Кракове в 2010 г. Среди выступающих на пленарных сессиях, на которых присутствовали все участники этого ключевого польского социологического конгресса, было целых два американских социолога: Д. Ост и М.Буравой с выступлением под названием «Публичная социология». М. Буравой обращался к польским социологам тоном, который можно было бы принять как снисходительный, слушатели же отвечали ему вниманием и уважением, являющимися в некотором роде знаком признания статуса представителя глобальной науки у выступающего. Что интересно, М. Буравой напрямую и несколько иронично указывал на то, что его польские коллеги вынуждены работать в нескольких местах, выражая им тем самым свое сочувствие. При этом он, вероятно, до конца не отдавал себе отчета в том, что среди более чем десяти выступающих на пленарных сессиях вместе с ним выступало несколько человек, которых практически каждый день можно видеть на экранах самых популярных польских телеканалов. Среди участников был также один действующий министр, являющийся социологом по образованию, а также бывший вице-председатель национального банка. Более того, вводный доклад сделал тогдашний руководитель PTS, а позднее – кандидат на должность премьер-министра от главной польской оппозиционной партии. Таким образом, выступая на польском социологическом

съезде, М.Буравой импонировал слушателям своей международной известностью. Однако в своей родной стране он не мог бы и мечтать о выступлении среди такого широкого круга лиц из самого ядра поля власти, знаменитых участников интеллектуальных дебатов, активных и потенциальных политиков наивысшего уровня и необычайно влиятельных комментаторов общественной жизни.

Резюмируя сказанное выше, подчеркнем, что представленные в этом тексте примеры развития американского и польского социологических полей показывают, насколько сильно их конфигурация, значение и статус зависят от более широкого общественного контекста и особенно от расположения их относительно поля власти и от роли того или иного типа элит в каждой стране. Эта значительная культурно-политическая детерминированность роли социологии и шансов развития публичной социологии не означает, однако, что социологи в отдельных странах полностью зависимы в своих действиях, что доступные для них пути общественной вовлеченности определены каким-то контекстом. В каждом случае существует значительная свобода выбора как путей индивидуальной, так и групповой вовлеченности, участия в общественной жизни. Однако похоже на то, что американский и польский примеры достаточно хорошо показывают, что такой выбор в большей или меньшей степени носит характер дилеммы. Особенно трудно преодолимым представляется противопоставление критической социологии, сильно дистанцированной от доминирующих иерархий власти и представлений об обществе, и публичной социологией, активно участвующей в решении злободневных проблем социума и опирающейся на частое появление социологов в общественном пространстве.

Литература

1. Bourdieu P. i L. J. D. Wacquant. 1993: From Ruling Class to Field of Power: An Interview with Pierre Bourdieu on La Noblesse d'État // *Theory, Culture&Society*. 10. - P. 19-44.
2. Burawoy M., 2005a: 2004 American Sociological Association Presidential address: For public sociology // *The British Journal of Sociology*. 56. - P. 259-194.
3. Burawoy M., 2005b: For Public Sociology // *American Sociological Review*. 70. - P. 4-28.
4. Burawoy M., 2008: Rejoinder: For a Subaltern Global Sociology? // *Current Sociology*». 56. - P. 435-444.
5. Wacquant L. J. D., 1996: The Self-Inflicted Irrelevance of American Academics. «Academe». 82. - P. 18-23.
6. Zarycki T., 2009: The Power of the Intelligentsia. The Rywin Affair and the Challenge of Applying the Concept of Cultural Capital to Analyze Poland's elites // *Theory and Society*». 38. - P. 613-648.
7. Zarycki T. 2011. From Soviet to a Western-dominated political scene: the geopolitical context of politics in Poland; w: B. Törnquist-Plewa i K. Stala (red.): *Cultural Transformations after Communism: Central and Eastern Europe in Focus*. -Lund: Nordic Academic Press. - P. 82-108.
8. Зарицкий Т., 2008: Традиционные символические ресурсы польской интеллигенции перед лицом вызовов глобализации // *Восточноевропейские исследования*». - 8. - С. 139-153.